

УДК 94(470.22)

Чернякова Ирина Александровна

Петрозаводский государственный университет,
ведущий научный сотрудник Института Североевропейских исследований (ИСЕИ),
канд. ист. наук, доцент кафедры кафедры зарубежной истории, политологии
и международных отношений Института истории, политических и социальных наук ПетрГУ,
доцент Российской истории Университета Восточной Финляндии (Йоэнсуу)

<http://illmik.petrus.ru/Alkonost/personal/Welcome.html>

Публикация содержит воспоминания Аллы Анатольевны Вершинской (род. 10.03.1923) об отце — профессоре Анатолии Николаевиче Вершинском (1888—1944), общественном деятеле, просветителе и основателе регионального исторического краеведения в Твери.

А. А. Вершинская окончила исторический факультет Калининского педагогического института (в настоящее время — Тверской государственный университет) и поступила в аспирантуру, в 1951 г. вышла замуж за Аркадия Георгиевича Манькова и переехала в Ленинград. С 1955 г. до выхода на пенсию в 1978 г. работала в Музее истории религии и атеизма в должности научного сотрудника, занималась историей православия, регулярно проводила экскурсии по музейной экспозиции, читала лекции на предприятиях, воспитала двух дочерей и двух внуков.

А. А. Вершинская сообщает множество сведений о родителях своих отца и матери — бабушках и дедушках, о домашних порядках и нравственных устоях старой российской интеллигенции, пронесенных ею через собственную жизнь с А. Г. Маньковым (1913—2006) — известным историком, заслуженным деятелем науки, автором знаменитых воспоминаний о себе и своем поколении, чья юность выпала на период слома устоев — первые десятилетия советской власти (Дневники тридцатых годов. СПб., 2001. 318 с.). Много внимания в воспоминаниях А. А. Вершинской уделено времени военного лихолетья и тяготам, через которые пришлось пройти ее отцу, брату и обеим сестрам, одной из которых — младшей — была Алла Анатольевна.

В журнале CARELiCA (см. № 1 (10) за 2013 год) опубликованы письма, написанные А. Г. Маньковым в годы Великой Отечественной войны Татьяне Владимировне Старостиной, однокурснице по аспирантуре на историческом факультете Ленинградского университета.

Исследование выполняется в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОШЛОМ

Алла Анатольевна Вершинская

Вместо предисловия

В настоящее время у многих людей возник интерес к истории своей семьи, жизни предков, есть стремление составить свою родословную.

Прошедшие времена — период длительного отсутствия внимания к «прежней» жизни. Тому причины — события неспокойного века для нашей страны: войны, революционные перевороты, страшная сталинская эпоха, определившие разорение, разобщение семей, потери своих близких и страх за своих родных в период так называемых «преобразований» сталинского периода.

Я осталась самой «старшей» в нашей семье и, очевидно, мой долг написать то небольшое, что я знаю о наших предках, истории нашей семьи и что-то о «прежней» жизни далекого XX века. Тогда все же вы не будете «иванами, не знающими родства».

После революции предпочтение давалось только лицам пролетарского происхождения, люди нередко «завуалировали» свое непролетарское происхождение, определяли занятие своего отца — не владелец, например, аптеки, а аптекарь и т.п. Теперь обратное: многие делают себя дворянами.

На склоне лет невольно чаще обращаешься к мыслям о прожитой жизни. И, как ни странно, отдельные события твоей жизни представляются вновь — и воспоминание о прошедших годах, о жизни родных и близких тревожат душу снова.

Мне уже 85 лет — жизнь подходит к последней черте и более, чем когда-либо, возникают вопросы о том, что ты знаешь о своих родителях, как они жили, что пережили? Ведь детское восприятие и понимание взрослого человека происходящего — разное.

Содержание

О своих предках я знаю мало. Сложное было время. На поколение людей, родившихся в конце XIX — начале XX века, пришлось столько глобальных событий, произошедших в России, перевернувших историю всей страны: Первая Мировая война, Октябрьские события, братоубийственная Гражданская война, страшный период сталинских репрессий, принесшие неисчислимые страдания, потери людей, и Великая Отечественная война. Какие утраты понесла страна! Гибель миллионов людей, культурных и материальных ценностей, перевернутых судеб. Очевидно, все это народ смог пережить и выстоять благодаря стойкости духа и безмерному терпению народа.

Как в этот период жили мои родные? Теперь мне кажется странным, что я не спрашивала как они жили в Петрограде, не выяснила потом и у сестер мамы, которых я лучше узнала, переехав в Ленинград.

Отец мой родился в Тверской губернии в семье потомственного сельского священника Н. В. Вершинского (1859—1941), преподававшего в церковноприходских школах, награжденного в 1912 г. орденом св. Анны III степени за педагогическую деятельность, и дочери священнослужителя Павлы Алексеевны Вишняковой (1867—1943). Дедушка служил в сельской церкви, тогда считавшейся отдаленной от центра губернии: 50—60 км. Позднее он стал служить в церкви в пригороде Твери (Калинина). Церковь стояла за городом, недалеко от Вольнского кладбища. С этих пор я хорошо помню дедушку и бабушку. У дедушки были

очень добрые голубые глаза, мягкость, душевность в обращении к людям. Мы с папой навещали их. Они жили в комнате при церкви. Иногда они приходили к нам. Как-то мама, смотря как они идут, держась под руку, старческой походкой, сказала: «Не дай бог дожить до такого...». Она умерла в 47 лет. Позднее церковь закрылась, дедушка и бабушка имели комнату в частном доме в городе. В 1941 году, когда Калинин был оккупирован фашистами, дедушка умер. Нам сказали, что на его похороны пришло много людей, даже в такое время. Бабушка стала жить с нами. Мои дедушка и бабушка прожили жизнь достойно, согласно их убеждениям и принципам.

У них было четыре сына: Анатолий, Николай, Иван, Серафим. По сложившейся традиции старший сын должен был идти по стопам отца, но папа рано определил свой путь — в университет. Дедушка — умный, добрый человек не препятствовал, тем более, что и учителя советовали дать возможность сыну учиться дальше. Дедушка предоставил ему эту возможность несмотря на скромное материальное обеспечение. Николай и Иван стали сельскими учителями, младший сын Серафим — библиографом в городской библиотеке. Сначала папа поступил в университет в Казани. Уже там начал собирать библиотеку. Папа рассказывал, что в Казани студенты с ограниченными материальными возможностями имели поддержку: в столовой

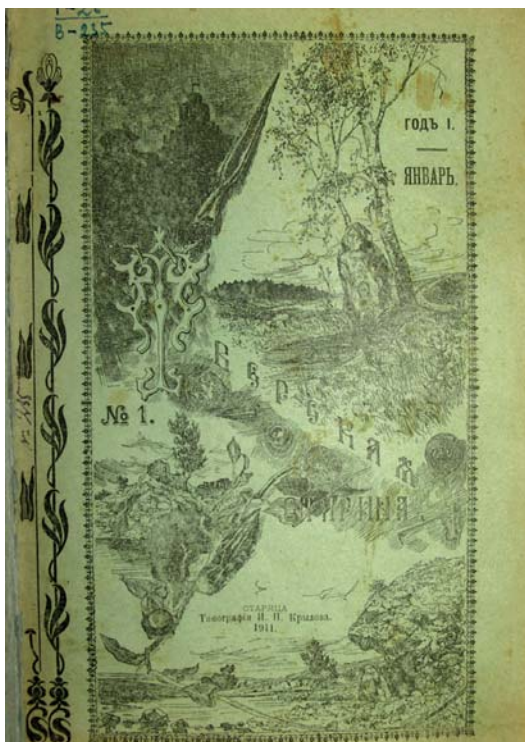
университета можно было поесть ничего не заказывая — на столе всегда стояли графины с водой и хлеб, чтобы студент мог пережить до очередного получения денег, не испытывая голода.

Вскоре он перевелся в Санкт-Петербургский университет, где стал любимым студентом профессора И. А. Шляпкина, общение с которым давало очень много и повлияло на всю его жизнь. Так сложилось, что И. А. Шляпкин попросил найти ему студента помочь разобрать его архив (им оказался мой папа). В то время Шляпкин жил в Белоострове (под Петербургом), ездить туда можно было только на поезде. После некоторых колебаний папа поехал и был благодарен судьбе, что жизнь свела его с этим замечательным человеком и ученым. Это была большая дружба разных поколений. До своего отъезда из Петербурга в 1919 году папа часто бывал у И. А. Шляпкина, а потом переписывался с ним. Об этом подробно рассказано в частично сохранившемся дневнике, подготовленном для печати и изданном профессором Тверского университета И. Г. Воробьевой и внучкой А. Н. Вершинского — Т. П. Сергеевой (дочерью моей старшей сестры Евгении) — музыкантом, композитором, заслуженным деятелем искусств.

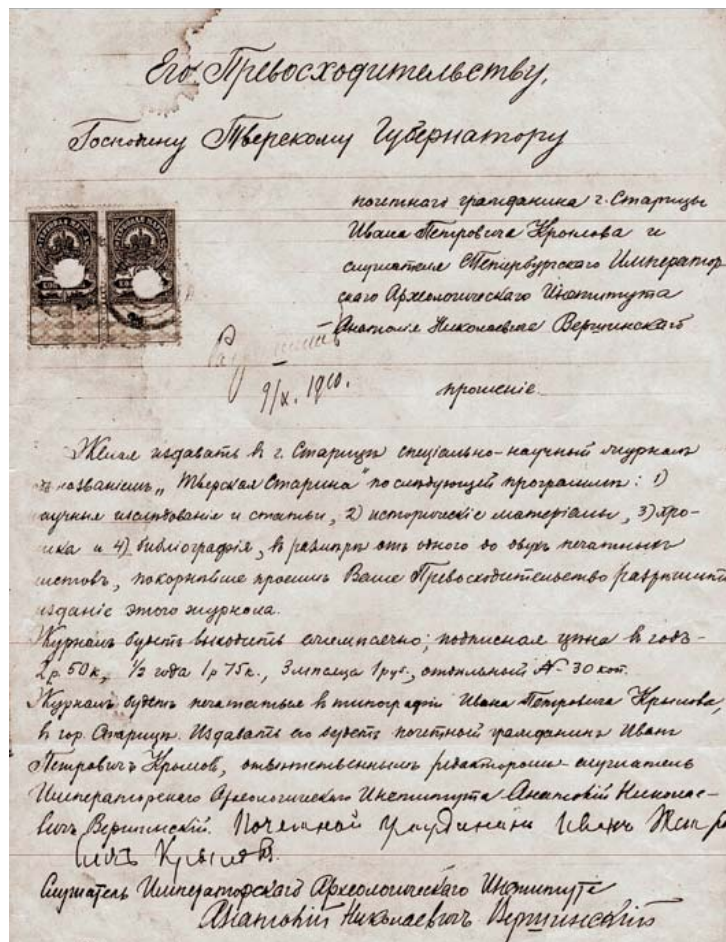
Занимаясь в университете в 1911—1915 годы, папа сохранял связь с родным краем. Он стал редактором (и автором) журнала «Тверская старина», издаваемого в Старице Тверской губернии издателем Крыловым (в 1911—1913 гг. — ежемесячно, в 1915—1916 годы — всего несколько выпусков).

А. Н. Вершинский в студенческие годы

Прошение А. Н. Вершинского тверскому губернатору 1910 г., с программой издания журнала Тверская старина.
Слева обложка журнала

Окончив обучение, папа был оставлен при университете и работал еще в гимназии в Озерках. В эту же гимназию поступила на работу в качестве преподавателя французского языка С. П. Сидорова (в будущем моя мать), вернувшаяся из Сорбонны, куда ее отправляли учиться. Сама жизнь соединила двух молодых людей.

Мама — потомственная петербурженка. Отец ее — П. А. Сидоров (1859—1920) был известным в Петербурге педагогом и организатором народного образования, членом Попечительского Совета и директором приюта принца Ольденбургского, председателем педагогической секции общества «Маяк», тоже связанного с именем П. П. Ольденбургского, являлся попечителем разных просветительных и образовательных учреждений. Его задачей, как мы бы теперь сказали, было распространение знаний в народе. Удалось выяснить, что в Центральном государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге имеется отдельное «дело» П. А. Сидорова и немного сведений о его отце — моем прадеде Аполлоне Андреевиче Сидорове.

Прадед происходил из военной среды, из так называемых «обер-офицерских детей» — это были дети офицеров, родившиеся до получения их отцами чина, дающего дворянство. А. А. Сидоров начинал свой жизненный путь с должности коллежского секретаря (10-й чин из 14-ти). Звание давало возможность занимать руководящие должности в низших организациях. Затем получил должность ассессора (8-й чин), что давало личное дворянство, и затем титулярного советника. Прадед получил образование в Санкт-Петербургском университете, служил в Статистическом Комитете Совета министров, награжден орденами св. Анны III степени и Александровской лентой за участие в работе при проведении реформы 1861 года по освобождению крестьян от крепостной зависимости. Он имел «благоприобретенное имение» в Выборгском районе Санкт-Петербурга и троих детей: Петра, Алексея (о нем данных никаких не сохранилось) и Веру.

*Петр Аполлонович Сидоров — дедушка
А. А. Вершинской (в зрелые годы)*

Мой дед по линии мамы — Петр Аполлонович Сидоров (две фотографии его находятся в фонде принца Ольденбургского в архиве кино-фотодокументов в Санкт-Петербурге) окончил полный курс историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета (1878—1889) с высшими оценками и присуждением звания кандидата. Для поступления в университет тогда надо было подавать прошение, адресованное «его превосходительству господину ректору университета», с приложением документа о крещении, аттестата (послужного списка) отца и свидетельства о получении аттестата зрелости. Он знал 10 иностранных языков.

Уже в 28 лет (1887) дедушка был произведен в надворные советники (7-й чин), а в 1900 году — произведен в чин «действительного статского советника» (чин 2-й, а иногда и 1-й категории), который давал право занимать высшие должности и потомственное дворянство. Он награжден пятью орденами: орденом св. Станислава I, II, III степени, орденом св. Анны II степени и орденом св. Владимира III степени. В документах из архива имеется диплом университета и один указ

царя о награждении П. А. Сидорова орденом св. Станислава I степени. «Божьею милостью мы, Николай Второй» (стиль и выражение красивое! многое утрачено у нас сейчас в русском языке), и далее — «в создании особых трудов и заслуг, оказанных вами приюту...» — цитата из указа о награждении дедушки орденом св. Станислава, сохранившегося в архиве.

Сведения о П. А. Сидорове имеются в печатных изданиях «Весь Петербург» и «Весь Петроград» за 1900—1917 годы (данные из материалов архива). Как я понимаю, мой дедушка служил верой и правдой делу просвещения и образования людей, он умер в марте 1920 года. Я вижу его на фотографии в молодости — красивого, эффектного, и уже в пожилом возрасте — сидящего за письменным столом с орденом на груди, все еще красивого. Женат он был на Е. С. Баранской (1873—1935).

О жизни семьи мамы знаю по рассказам мамы «от случая к случаю». Жили они в квартире из одиннадцати комнат, видимо, от приюта. О бабушке я знала мало, видела ее один раз. Мама как-то шутя (она обладала большим чувством юмора) рассказала маленький штрих об их жизни: дедушка заказывал подать чай «покрепче, послаще и со сливками», а бабушка —

*Евгения Сергеевна Баранская —
бабушка А. А. Вершинской*

Анатолий Николаевич Вершинский с женой Софьей Петровной

мама изображала ее и говорила: «слабый, негорячий, с лимоном». Мама любила пить чай как дедушка, только сливок уже не было. При разнице во вкусах у дедушки с бабушкой был добрый союз. Нам рассказывали, что дедушка, умирая, сказал о том, что если бы жизнь можно было начать сначала, он повторил бы все так же. Он завещал дочерям: «будьте добры к людям», и это всей их семье, дочерям было присуще в избытке.

Кроме мамы, старшей дочери, у них были еще две дочери: Ирина и Мария. После революции младшие сестры не смогли продолжить учебу по материальным соображениям, да и существовало особое правило для детей интеллигенции — для поступления в ВУЗ нужен был пятилетний рабочий стаж. Они работали служащими в госучреждениях.

Как и когда они переехали уже после революции и смерти дедушки в маленькую трехкомнатную квартирку с минимальными удобствами у Финляндского вокзала, я не знаю. Будучи уже подростком, я застала их именно там. Бабушку я видела только один раз, когда она была уже в преклонном возрасте. Ранее она работала учительницей русского языка. Я знала, что одно время у них дома проводились маленькие музыкальные вечера. Сохранился рояль, очень хороший, который в период блокады они отдали на буханку хлеба какому-то музыканту. Тети мои любили также играть в преферанс, у них собирались маленькие компании. Позднее, после смерти бабушки, в одну комнату к ним вселили женщину с ребенком, так они стали жить в коммунальной квартире, каких в Санкт-Петербурге после 1917 года было множество. При расселении этого дома в новый дом мои тети снова оказались в коммунальной квартире. Тети пережили всю блокаду Ленинграда и награждены медалью «За оборону Ленинграда».

В 1913 году состоялась свадьба моих родителей, на которой присутствовал профессор И. А. Шляпкин. Он подарил папе большой красивый письменный стол и книжный шкаф с секциями, за этим столом папа работал всю жизнь.

Родители начали совместную жизнь в небольшой квартирке, предоставленной отцом мамы. Этот период сложился у них непростым. Как я понимаю, мама и папа были из семей разных стилей жизни: папа из более патриархальной, а мама — светской. Видимо, период начала совместной жизни прошел у них благополучно. Постепенно сохранилось главное для них обоих — принятие необходимого от прежних устоев жизни, с доминирующим пониманием необходимости создания в доме условий для научной работы и отдыха. Главное, что в нашей семье определилась атмосфера уюта, доброты, особой заботы в отношении друг друга. Позднее, когда мы остались одни, всегда старались сохранить это, считая главным.

Большие планы корректировала жизнь. У мамы рождаются и умирают двое детей: слишком много переживаний и трудностей. В годы первой мировой войны кроме работы папа занимался организацией курсов первой помощи, перевозок и ухода за ранеными. Мама продолжала занятия на историко-филологическом факультете Высших женских курсов.

Вскоре все планы молодой семьи были прерваны новыми событиями в октябре 1917 года, которые изменили ход истории всей страны. С началом Гражданской войны в Петрограде начались сложности с продовольствием. Голод и холод привели их к тяжелому заболеванию воспалением легких. Врач, пытавшийся им помочь, сказал: «Если хотите жить — уезжайте».

В 1919 году папа с мамой решили уехать в родные края папы — в Тверскую губернию. Работали в деревне учителями. Помню случайный разговор о том, что папу как приехавшего из столицы местные власти обвинили в намерении вести работу против революции. Мама написала письмо Ф. Раскольникову, тогда он занимал высокие должности, но никогда нам не говорила об этом. Он написал, что знает папу и что эти обвинения напрасны. Папу отпустили. Позднее, в 1932—1933 годы, мама писала Ф. Раскольникову и получила ответ когда он был послом во Франции. Как мама знала его еще в молодости — по личной линии или благодаря бабушке — мне неизвестно. Мама знала также и его первую жену Аллу. Позднее, когда Сталин вызвал Ф. Раскольникова в Москву из-за границы, он сбежал с поезда. В газетах было сообщение об этом побеге. Наверное, тогда он хорошо знал, что означает этот вы-

Анатолий Николаевич Вершинский с семьей

зов и понимал, что обречен сталинской системой. Известно знаменитое письмо Раскольникова, в котором он обвинял Сталина в репрессиях, просто по пунктам. Однако тогда мы ничего не знали об этом.

В ноябре 1920 года родилась моя старшая сестра Евгения. Женя родилась в голодное время. Очевидно, у мамы после голода в Санкт-Петербурге не было достаточно молока. Помню, когда мы уже жили в институте, к нам приезжала крупная, дородная женщина. Она рассказывала как на одной груди у нее кормился ее сын, а на другой — Женя. Мама с большим теплом встретила ее.

В 1922 году родители решили вернуться в Петроград, но папа решил все-таки зайти в Педагогический институт в Твери. Его пригласили на работу и они решили остаться, считая, что это временно. С тех пор наша семья жила в квартире при институте. Два окна выходили на улицу Желябова, два — во двор. Рядом с нами жила семья профессора Н. Д. Никольского, выше этажом — преподаватель химии Н. И. Лерх. Я родилась в период НЭПа. Открылись частные магазины. Мы покупали продукты «у Пирогова», была и маленькая частная булочная. У нас была няня, как тогда говорили прислуга — Катя Антонова, которая жила у нас 5 лет. Она быстро освоилась в городе. У мамы она научилась многому, а папа подготовил ее к рабфаку, окончив который она поступила в институт, а потом стала учительницей химии. Позднее она приходила к нам, вспоминала далекие уже тогда годы.

Помню еще эпизод — к нам зимой приехала девушка лет 17-ти из знакомых мест папы, чтобы работать у нас няней. Сообщение тогда было — только лошади, дорога неблизкая — 60 км. Девушка, ее звали Павла, простудилась. Мама вызвала врача и ей поставили банки. Это вызвало у нее восторг, она так смеялась, что банки дрожали, и врач опасался, что они упадут. Позднее, взяв Женю в компанию (меня игнорировали ввиду малолетства), она поставила себе стаканы на живот, довольно упитанный. Как мама расхлебывала этот инцидент, не помню, но шум был большой, и это осталось у меня в памяти.

В детстве я была кругленькая, говорила медленно, важно, но потом стала тоненькой и стала говорить очень быстро, была общительной, любящей компании, танцы. В общении с людьми мне в жизни помогала интуиция, что было оправдано.

Наш дом всегда был открыт для общения. Приходили студенты, приезжали коллеги из Москвы, знакомые мамы и папы, уютно ощущали себя все.

Вскоре стали приезжать в институт на работу коллеги папы из Москвы и Петрограда (Ленинграда). В столице не всегда удавалось найти работу, «препятствием» служило дворянское происхождение или якобы «нелояльность» к Советской власти. Тогда ученые ездили на работу в институты близлежащих городов. В Пединститут Твери приезжали видные ученые, вели преподавательскую деятельность. В главном здании института была выделена маленькая комнатка для приезжающих профессоров, а рядом была комнатка, где жила женщина, обеспечивавшая их быт.

Эти годы были временем больших возможностей для творческой работы. Проводились совместные экспедиции по изучению края разными специалистами. Так, в 1928 году папа, Ю. М. Соколов (фольклорист, в последующем академик) и крупный ботаник профессор А. П. Ильинский (позднее ставший директором Ботанического сада в Ленинграде), организовали и проводили совместные экспедиции по Калининской области. Организовывались археологические экспедиции. Издавались краеведческие журналы.

В 1927 году папа получил звание доцента, а в 1934-м — профессора. Был благодатный период для общения ученых разных городов. Однако позднее круг ученых сократился из-за тех

же «принципов». Папа сохранил дружбу со своими друзьями на всю жизнь, к нам приезжали его друзья по Казанскому университету даже в последние годы его жизни.

Как же шла наша домашняя жизнь? Сначала мама надеялась организовать воспитание нас, детей, по своим прежним представлениям. К нам приходила преподавательница в первую половину дня и мы занимались немецким языком — чтение, игры, песенки под музыку. Мама немецкий язык знала сама, преподавала потом немецкий, так как французский язык не был в употреблении. К сожалению французскому нас мама не учила. Мы занимались музыкой, у нас был кабинетный рояль. Я была менее способна к музыке, да и ленилась. Старшая сестра была более способной и прилежной, играла неплохо.

Дома у нас всегда устраивались детские праздники и, конечно, елки. В наш дом приглашались дети, были скромные подарки — сладости в цветной бумаге. Играли у елки, водили хороводы. Помню два дома, куда мы, маленькие девочки, приглашались. В одной семье врача, имевшего двухэтажный дом, бывало много детей разных возрастов. За большим столом рассаживались дети и жена врача, высокая интересная дама, громко задавала вопросы: «Посмотрите, дети, у всех есть паек?» — несколько конфет, печенье и что-нибудь еще. Выяснялось, что у всех все есть, быстро пили чай и разбегались играть.

Совсем другая картина была в другом доме — у известного врача, в семье которого воспитывался внук моего возраста. Там царил «прежняя» обстановка, сохранившая память и возможности прошлых лет. В этом доме все было «по правилам», нам с сестрой надо было вспомнить правила этикета, которым нас учила мама. В комнате стояла елка, которую я помню и теперь — огромная, до потолка, на которой висели апельсины и серебряные нити «дождя», очень эффектно. Под елкой лежали подарки — плетеные красивые корзиночки с конфетами. Потом праздновать Новый год с елкой было запрещено. Однако дни рождения отмечались всегда, а в пасху мама пекла очень вкусные куличи, вкуснее которых я не пробовала больше никогда. Мама готовила очень хорошо.

До школы мы с сестрой часто болели, перенесли почти все детские заболевания, часто были простудные заболевания, может быть, потому, что мама нас очень кутала, она сама плохо переносила холод.

В 1929 году родился брат Юрий. В эти годы трудностей в жизни возросли. Мы видели, что стало хуже с продовольствием, не хватало денег. В городе открылся торгсин, куда можно было принести драгоценности и купить продукты и промтовары. У нас были серебряные сахарница и небольшой чайник, несколько ложек. Постепенно все это мама отнесла в торгсин — каждый раз относилась воспоминания и «кусочек прежней жизни». Кардинально это не могло нас поддержать, жили в это время мы очень скромно. Несмотря на эти сложности в доме сохранялась теплота, забота и внимание друг к другу. Всегда праздновали дни рождения. В старшем возрасте мы устраивали спектакли, играли в шарады, испорченный телефон и другие игры. На даче организовывались концерты и спектакли. Помню спектакль «Золушка». Женя пела нежным голосом «Жаворонок» М. Глинки.

Семейные традиции воспитания и обучения отличались в разных семьях. В период 1931—1934 годов культурно-массовые развлечения организовывались в школах. В праздничные дни проводили вечера самодеятельности. В помещении кинотеатра перед киносеансами пионервожатая с детьми пели песни. В памяти всплывают «кусочки» текстов некоторых песен, часто такой примитив имел место быть... Например: «Сенька Рыжий был на улице злодей, бил ребят, волохал (был такой термин, означал — драться) маленьких детей». Не стерпела родная мама и наутро Сеньку в детский дом отдала. «Через месяц мать пришла

и от Сеньки ни следочка не нашла: ее Сенька и не курит, и не пьет, а с ребятами под барабан идет». Перед каждым куплетом все дружно пели «Эх!».

При всем том, что мы, тогда дети, имели несравненно меньше возможностей, чем сейчас, но мы проявляли больше активности: компаниями придумывали игры, много читали, в том числе литературу «о прежней жизни» Л. Чарской, которую передавали друг другу в четвертом классе по очереди. Только одна девочка сказала, что мама ей не разрешает читать эти книги. Книги Л. Олькот «Маленькие женщины» и «Маленькие женщины, ставшие взрослыми» я помню до сих пор! Была у нас и книга стихов Дрожжина — крестьянского поэта, и многие другие, такие как детские произведения Л. Толстого и других авторов. Можно сказать, что подобная литература способствовала формированию некоторого идеализма, романтизма, сентиментальности, но прежде всего давала понимание добра и зла, вызывала сочувствие и сопереживание за других.

Позднее в школьной программе стало больше классики, но ни Достоевского, ни Есенина даже не упоминали. В старших классах мы устраивали танцы «под патефон», который был не у многих. Радиотрансляция представляла собой приемник: «черную тарелку» и наушники. У нас были наушники и мы слушали концерты, юмор Зощенко, музыку. Знали артистов московских театров. Были свои пристрастия: концерты Обуховой, Барсовой, Лемешева — какие голоса! Тогда не было термина «фанаты», но увлечения актерами были. Программа радиопередач не печаталась, но, видимо, сообщалась по радио. Помню как я бежала домой из школы, зная, что будут передавать оперу «Дубровский». Впоследствии, когда мамы внезапно не стало, было трудно привыкнуть жить без тепла, ласки, исходившей от нее. У меня, особенно слушая арию Дубровского: «О, дай мне забвенья, родная, согрей у себя на груди, и детские сны навевая, дай прежнее счастье найти», лились слезы, на душе было больно и сладко..., становилось легче.

Вспоминая те далекие годы, должна заметить, что у нас в классе никто не курил и позднее, в институте, где было 60 человек (и только два молодых человека) — то же самое. В школьные годы мы устраивали праздники дома, собиралась большая компания, пили вино, но никогда никто не злоупотреблял: мы танцевали, нам всегда было о чем поговорить, было весело. Не было агрессии. И по улицам было безопасно ходить, в годы войны тоже.

У родителей особый день был 30 сентября — именины мамы — Софьи. Приходили гости, дети не присутствовали, нас отправляли спать заранее. Воспоминания об этом дне очень приятны — всегда были белые хризантемы, много смеха, общего веселья, музыки. До сих пор в моей памяти это живо. П. И. Лерх хорошо играл на рояле и мы засыпали под музыку. До сих пор я особенно люблю Верди «Травиату». Мама умела играть, но в этот день не играла так как играла средне. Папа очень редко, как я помню, садился за рояль. Он не учился игре, но подбывая играл и тихо для себя напевал. Я помню только одну фразу, помню и мотив: «Сказкою, как сон прекрасно, как солнца луч пройдут года». Позднее и это ушло. Наверно, на душе не было «как сон прекрасно», скорее был отзвук от надежд и планов молодости.

Вот мысленно представляю папу... Мне кажется, что папу не любить было невозможно, настолько облик его располагал к себе. Ум, мягкость, доброта светилась в нем. Он никогда не повышал голос: спокойная, негромкая речь. Тонем, интонацией он мог выразить свое отношение к чему-либо или кому-либо. Считая необходимым собирать и изучать материалы по истории Тверского края, папа и его коллеги, близкие друзья, ездили и ходили пешком в села и деревни, изучая историю, фольклор, флору области. Тогда было модно мужчинам ходить с тросточкой, носили шляпы.

12 лет мы жили в главном здании пединститута. Дети гуляли на площадках между двумя зданиями, и мы могли чувствовать себя принадлежащими ко всему сообществу института: бежали мимо студенты, шли и разговаривали сотрудники — так живо ощущалась жизнь коллектива. Все знали друг друга, улыбались гуляющим во дворе детям. Позднее мы переехали на другую квартиру и началась другая жизнь

Летом мы уезжали на дачу, в близлежащую деревню — 8 км от города — Долматово. С хозяином одного из домов (дом стоял на горке) договаривались на летние месяцы предоставить нам часть помещения за определенную плату. Там мы прожили пять лет, потом три года снимали дачу у другого хозяина. На подводе хозяин дома перевозил необходимые нам вещи. У него же мы покупали молоко. Позднее нанимали машину. Однажды мы узнаем, что все дома в нашей деревне, которую мы считали «райским уголком», к которой мы так привыкли, где так удобно располагались дома рядом с рекой Твердой, снял городской совет. Для нас это была трагедия, мы не хотели уезжать оттуда.

Нам сказали, что продается маленький домик — бывшая баня, а к ней пристроена комната 12-14 кв. м и есть открытая терраса. Мы с радостью купили этот домик в рассрочку и были счастливы. Первое лето расположились в нем без всякого комфорта: папа с мамой и братом в комнате, мы с сестрой, ее подругой и домработницей — прямо на открытой террасе. Просыпались под пение птиц и нам было хорошо. Тогда жили мирно и тихо, мы и природа! Домик наш стоял в перелеске между полем и малопроезжей дорогой.

На следующей год из террасы сделали большую застекленную веранду, она была и столовой, и гостиной днем, а ночью — спальней. Папа любил красить стены веранды и каждое лето этим занимался. Перед домом, конечно, были цветы, росли пять берез, под ними был поставлен стол, скамейки, и мы нередко обедали там или пили вечерний чай часов в 5-6. Участок — это кусочек леса. Перед домом располагалось поле, а дальше река Тверца. Помню такой эпизод — мы отправили вещи на грузовике, собрались с мамой на поезд, железная дорога находилась в 2 км у деревни Новенькое. К нам подошла пожилая женщина и сказала, что она осталась одна, сын оставил ее, у нее ничего нет. Денег, очевидно, у мамы не было, дом собирались закрывать на зиму, дать буквально нечего. Мама вошла в дом, сняла с себя комбине — тогда делали хорошие из батиста, и отдала ей. Женщина была очень растрогана.

Нередко крестьянки, идя с поля, подходили к нам, мама приглашала их к чаю, они любили поговорить с папой. И наш дачный большой самовар гостеприимно готов был напоить чаем с «чем бог послал». Вечером из соседнего дома приносили кринку парного молока, наверно, больше литра, мы пили молоко с хлебом и очень любили посидеть вечером при свете керосиновой лампы. Невдалеке от дома в тени деревьев устроен был столик, где занимался папа. Когда мы были маленькие, утром мы ходили в лес, к нам присоединялись соседние дети. Мы садились на полянке, а мама читала нам по главам книгу Мало «Без семьи», которая была у нас на французском языке в очень красивом переплете. Читала она сразу на русском, папа прогуливался по лесу. Мы любили лес, собирали грибы, ягоды. В лесу наши любимые дорожки имели свои названия. Лесок — красивые маленькие горки, поросшие сосенками, назывался «папины горки». В 1938 году к нашей даче пристроили две комнаты, но жить там пришлось недолго. Иногда всей семьей мы ходили в соседнее село, расположенное в двух километрах, заходили в магазин, в знакомые нам дома, где нас знали. Там мы покупали топленое молоко и пили его с хлебом.

Хотя наш домик был очень скромным, ребята собирались именно у нас. С некоторыми из них связь сохранилась на всю жизнь. Один из наших друзей, Слава Савинов, в студенческие годы сочинял стихотворения. К сожалению, все я не помню, при переезде шкатулку похи-

тили, сочли что там ценные вещи. Некоторые я помню, мне очень дороги эти стихи, вот несколько строчек:

«В Долматове сегодня я один,
Листочки желтые осыпали дорожки
И меж стволами нити паутин...
Иду к тебе я, дом заколоченный,
Мой давний деревянный друг,
Иду к тебе, чтоб детство вспоминать.
Поэтому, бревенчатый свидетель,
Готов твои я бревна целовать»
За этими словами столько счастливых дней.

Мама была очень красивая, полнота не умаляла ее эффектности, даже в простых платьях из маркизета она имела нарядный вид. Несмотря на то, что у нас была домработница, мама всегда сама готовила очень вкусно, хотя когда она выходила замуж даже не умела ставить самовар. Потом я никогда не пробовала котлет вкуснее, чем у мамы!

В 1934 году институту город дал десять квартир для профессоров. Дом назывался ИТР — первый дом, известный мне, где была ванна. Дом находился в конце Советской улицы.

О жизни Педагогического института того времени, о роли папы я узнала позднее из книги М. Фрайденберга и Л. Котлярской, которые изучали материалы партийных собраний института тех далеких лет. Они приводят такой факт: в 1929 году, когда началась коллективизация, один из студентов института высказал возмущение по поводу ее проведения в его родной деревни. Студента осудили и хотели исключить из института. В защиту этого студента осмелились выступить только два человека — профессор ЛГУ С. Лурье и молодой преподаватель пединститута А. Н. Вершинский. За это папу отстранили от ведения ряда занятий.

Еще помню как в городе решили строить Речной вокзал близко к устью реки Тверцы. Были большие дебаты о конкретном месте строительства. Папа горячо доказывал, что нужно сохранить келью митрополита Филиппа при Отроч-монастыре, в котором он был убит. Инженеры настаивали на строительстве именно на этом месте. В конце концов победили расчеты инженеров, и келья была уничтожена, но долгие годы вокзал заливало водой при половодье. В то время первое слово было за инженерами. О названии Отроч-монастырь рассказывается так: молодой человек готовился к венчанию. Тверской князь, очарованный красотой невесты, отстранил отрока и сам венчался с девицей. Отрок в отчаянии ушел из мира, построил келью. Постепенно на этом месте организовался монастырь с таким названием.

Кроме педагогической и научной работы общественная деятельность занимала у папы много времени: он был членом президиума ассоциации по изучению производительных сил Тверской губернии, членом городской плановой комиссии, делегатом второго областного съезда Советов, членом методического бюро губернского отдела народного образования, был членом-корреспондентом Центрального бюро краеведения. У нас было ощущение, что папа был всем нужен, всегда занят.

Мы все учились в разных школах. Родители не бывали на собраниях, они знали, что у нас проблем нет, все шло на полном доверии. Советская улица — главная улица. Иногда крестьяне, приезжавшие на рынок, не знали, что в центре города снега нет, поэтому лошадям, запряженным в сани, было просто не проехать. Если нам встречалась такая повозка, крестьянин бил кнутом лошадь, чтобы она как-то везла по асфальту сани, мама решительно подходила к этому человеку и говорила, чтобы лошадь не бил и обращалась к прохожим

с просьбой оказать помощь выехать на боковую улицу, где был снег. Надо сказать, что люди не отказывали маме, видя, наверное, что полная женщина сама помогает незадачливому крестьянину. Мама не могла видеть как бьют животных. Она как-то говорила, что, поступив на медицинский факультет Высших женских курсов, она, когда профессор демонстрировал что-то на собаке, в слезах подошла к профессору и сказала, что мучить животных нельзя. Потом она занималась на историко-филологическом факультете. Мама, зная французский в совершенстве (ее диплом с отличием из Сорбонны находится в архиве Твери), преподавала в школе немецкий язык, окончив специальные курсы немецкого языка. Немецкий язык она знала, но не имела диплома, подтверждающего право преподавания. У нее были педагогические способности, все шалуны в классе были ее лучшими помощниками, с дисциплиной у нее проблем не было.

Быт в нашем доме был очень простым, одеты мы были просто, никаких проблем с нарядами даже не возникало. Нас одевали очень скромно по материальным причинам и к тому же считали, что «не одежда красит человека, а человек одежду». При встрече со знакомыми, если они говорили какие-либо комплименты в наш адрес, мама по-французски, чтобы мы не поняли (но догадывались) говорила, что у детей не надо развивать самомнение. Скромность в нарядах была присуще не только нашей семье. В школе в старших классах все одевались без шика. Мама одевалась хорошо, шила платья у хорошей портнихи. Про маму вспоминали как-то: «красивая женщина и одевалась хорошо». Даже часы было купить трудно. Мама — а ей нужны были часы, когда она стала преподавать, смогла приобрести их в рассрочку в последнее время, когда жизнь у нас стала полегче.

У мамы было повышенное чувство беспокойства за своих близких. Если брата я не находила во дворе, я искала его везде и когда находила, то первое, что он спрашивал: «мама волнуется?» и бежал скорее домой. Очень беспокоилась мама и тогда, когда папа задерживался. Очевидно, время было такое.

Обычно, если все были дома, традиционно собирались за столом у маленького из белого металла самоварчика на чаепитие. Рассказывали о текущих делах, делились мыслями, шутили. У мамы было хорошее чувство юмора, так что много смеха бывало порой. Часто перед чаепитием папа задавал риторический вопрос: «Кто сходит за конфетами?» Я вызывалась, это было мое дело. Получив немного денег, я шла в соседний магазин и выбирала, учитывая вкусы каждого и свои финансы, по 100 грамм два-три сорта конфет, долго изучая ассортимент. В шутку продавщица называла меня «оптовый покупатель».

Мы жили в доброй атмосфере, все вопросы разрешали мирно. От наших домработниц (тогда говорили — прислуга), обычно приезжавших из родных мест папы, мы с Женей узнавали местный фольклор. Например, частушки: «Вставай, Ленин, вставай, милый, закормили нас кониной. Ленин встал, махнул руками, что же делать с дураками» и тому подобные, и я долго думала, как же Ленин не подготовил себе смену, позволил властолюбивому грузину забалить страну.

О память, великая ее способность! Впитывает даже случайно услышанное, ненужное тебе, и ты только поражаешься, что вдруг всплывает: какие-то стихи, песни, факты. Сейчас обнаруживаю, что я помню и просто «вижу» как кадры из фильма с названием «твоя жизнь» отдельные моменты прошлой жизни.

Как-то папа, придя домой, рассказал, что неожиданно для себя он оказался выбранным в депутаты Райсовета. Для него это было неожиданностью потому, что он никогда не скрывал, что он сын священника и беспартийный. Надо сказать, что несмотря на загруженность

и состояние здоровья, он очень добросовестно относился к своим обязанностям. Однажды в 1938 году к нам пришла двоюродная сестра мамы — Лидия Ивановна Надеина (по мужу), которую мы раньше не видели. Время было трудное для общения людей, живших в разных городах. Ее семья жила в Ленинграде. Выяснилось, что ее мужа арестовали, якобы как бывшего офицера белой армии. Ей с ребенком надлежало покинуть город в 24 часа. Лидия Ивановна была удивительно красива. Несмотря на то, что она хромала от рождения (она была из состоятельной семьи), оказалась счастлива в личной жизни, но практически всего лишилась, вынужденно уезжая из Ленинграда. Она с сыном приехала в Калинин и, придя к нам, сразу сказала, что комнату уже сняли, чтобы мама не беспокоилась. Мы стали общаться. Зимой, в холодную погоду, они оставались у нас ночевать. Сын Лидии Ивановны Славик, немного моложе меня, был изумительный — пепельные волосы, миндалевидные карие глаза, умен. У него был порок сердца, белый билет, но во время войны, когда они уже жили в деревне, врач признал его годным к военной службе. Показать белый билет Славик не решился так как считался сыном врага народа. Не доехав до фронта, он заболел и умер.

В нашем доме при детях о политике не говорили. В детстве мы жили счастливо в неведении о сталинских репрессиях. Позднее, когда мы узнавали о ком-то, нам представлялось эти события как ошибки отдельных корыстных людей наверху. Такое понимание было, по-видимому, распространено. Конечно, даже предположить, что это действие сталинской системы было невозможно. Поэтому разоблачение культа личности Сталина для меня был шок. Некоторое время я думала, что при Ленине было бы совсем по-другому, пока не стали доступны многие материалы о Ленине. Что бы подумал папа, если бы мог знать такие новости.

Осень 1939 года казалась нам благополучной, лето прошло хорошо, все — взрослые и дети — увлекались крокетом, играли увлеченно. В институте открылась кафедра французского языка и маму пригласили преподавать. 30 сентября, как обычно, отмечали день рождения мамы, опять цветы, музыка, радость. В октябре с непонятным врачам диагнозом, маму увезли в больницу. 25 октября 1939 года мамы не стало... Лечили печень, у нее были проблемы с печенью, а оказалась — ангина и заражение крови. Лечил хороший врач города, но не понял в чем дело. Правда, потом говорили, что тогда еще не было антибиотиков и вылечить было невозможно. Встречая этого врача впоследствии, я испытывала недобрые чувства.

Так закончилась счастливая жизнь нашей семьи. Все мы очень страдали, днем держались. Мы готовили, старались сделать как у мамы, чтобы как-то поддержать папу. Поддержать папу и брата было для нас с сестрой главное. Без мамы было трудно всем, а еще маленькому брату особенно. Папа все это понимал, хотя мы с сестрой старались днем не показывать свои переживания и трудности. Брат учился тогда в начальной школе, нуждался во внимании. Папа — на работе, мы — в школе, и не все могли для брата сделать из-за нехватки времени. Плохо стало нам, когда папа через год, после долгих колебаний решил жениться — надеялся восстановить семью. Но он ошибся. Женщина, которая вошла в наш дом, хотела папу без нас, и защитить диссертацию. Для папы семья имела главное значение. Потом оказалось, что у нее было двое детей, которых воспитывали родственники.

Наступил 1941 год, это был мой последний год в школе. Какое-то легкое ощущение радости, надежды на светлое будущее царило среди нас. Раз в неделю нам устраивали танцы под патефон. Как я любила танцевать! Такая теплая атмосфера была у нас в классе! В том году было особенное настроение — мы могли смеяться даже по какому-то незначительному факту, смеялись и на уроках, смеялись до слез. Позднее одна из моих одноклассниц говорила: «Как мы смеялись, надо было извиниться перед учителями». Я в этом вижу другое — последние счастливые беззаботные дни нашей жизни, конец школьной жизни, конец детства

подарили нам ощущение радости перед предстоящими испытаниями. Больше в жизни я так никогда не смеялась. 21 июня состоялся выпускной вечер, а на другой день — война.

Как обычно, летом мы поехали на дачу. Однажды с сестрой и братом пошли в магазин в соседнем селе и вдруг видим — как кадр из фильма — на коне едет молодой человек по главной улице села, где у домов сидели женщины, и кричит: «Бабы, война!». Мы оцепенели — что такое война? Какая она не знали, но понимали: что-то страшное. Она где-то далеко и скоро кончится, наверное. Пришли домой с таким известием. Что думал папа — не знаю. Мы решили, раз война, то мы должны работать, и пошли помогать колхозу. Собирали сено. Вести поступали совсем нерадостные, но истинного положения дел мы не знали. Не верилось, что военные действия уже рядом. Мы могли бы что-то из вещей оставить на даче, спрятать. Если бы была мама... Что бы она смогла придумать? Вернулись в город. Начались занятия в институте. Я поступила на исторический факультет. Успела услышать одну лекцию папы. Он «не читал», медленно ходил, останавливался и как будто доверительно рассказывал именно тебе очень важные и интересные сведения. Прошли лекции А. С. Башкирова, замечательного человека, прошли другие занятия. Однако события становились все более тревожными. Занятия, не успев начаться, должны были скоро прекратиться. Началась бомбежка, сначала типа разведки, потом все интенсивнее. Мы выбегали во двор, где была вырыта траншея. Вряд ли это могло называться убежищем. Первой бомбой, упавшей в центре города, была убита моя одноклассница. Бомба попала прямо в угол деревянного дома, где они жили.

Мы, желая быть полезными, ходили в госпиталь ухаживать за ранеными. Никакой информации о продвижении войск к городу по-прежнему не было. Радио передавало только музыкальные передачи. Устав от бомбежек, папа предложил на выходные пойти на дачу, взяв с собой немного продуктов. Он надел старое пальто, чтобы легче было идти восемь километров. Взяли документы, но ни фото, ни теплых вещей к приближающейся зиме, не взяли. Мы абсолютно не поняли, что уходим совсем. Больше этой нашей квартиры, созданной родителями за долгие годы, мы не увидим никогда. Я несла кота — большого, красивого, жившего долго у нас. Оставить живое существо одного в горящем городе было невозможно. Мы вышли из города и, стоя на берегу р. Тверцы, увидели панораму города: возникало такое ощущение, что город в огне, выделялись отдельные здания, но все покрывало зарево. По берегу тянулся поток людей с детьми, с узлами и с сумками. Над нами в воздухе сражались два самолета, затем мы увидели, что наш самолет был подбит. Мы остановились, теперь мы могли различать отдельные дома: вот горит библиотека, вот другие известные нам здания. По-молодости мы видели частное, а мысли папы были иные, он признавал глобальность событий, говорил о том, сколько испытаний прошел русский народ, о гибели и страданиях людей, об утрате культурных и материальных ценностей. Может, он думал о том, какой раз ему приходится оставлять свой дом. Очень вероятно, что пережитое, перенесенное через сердце, положило начало его заболеванию. В душе — страшная боль от увиденного.

Помощи населению по эвакуации от городской власти не было. В нашем маленьком дачном домике скопилось много народа. Комнату заняли родственники второй папиной жены. Папа и брат Юра спали на кухне. Мы с Женей ходили ночевать к соседям. Спали на полу. Так как в новых комнатах не было печки жить там было невозможно.

В понедельник папа пошел в город, считая, что институт будет работать как обычно. Его остановил солдат и сказал, что город занят фашистами. Все произошло так стремительно, нам ничего официально не говорили! Папа вернулся в Долматово, нужно было как-то жить. Продуктов больше не было. В деревне председателя колхоза не оказалось, каждый жил изо-

лировано. Открыли единственный сарай, где хранилась картошка, и беженцы могли ее брать. Те, кто был здоров и не имел детей, шли дальше от города. Вскоре мы поняли, что живем на прифронтовой полосе, где-то за нами располагались наши части, слышна была нечастая перестрелка. Наша жизнь все усложнялась. Начались холода. Картошка, наша основная пища, замерзла. Многие намеревались пережить трудное время в нашей деревне, не имея сил идти дальше. Жизнь была тяжелая: холод, есть кроме мороженой картошки нечего, так как крестьяне не продавали и не меняли продукты на вещи. Мы видели как одна женщина предлагала поменять баночку сахарного песка на соль — и то отказали. Поэтому мы особенно оценили, что в эти дни папе принесли хлеб, один раз «в память мамы», другой раз — ему самому. Никто ничего не предпринимал, ожидая официальной информации, но ее у нас не было.

Стало понятно, что война будет долгой, приближалась зима. Начался артобстрел города. Мы с братом стояли, казалось бы, на тихой дорожке перелеска, как вдруг над нами в сторону города полетели огненные плахи. Мы скорее прижались к земле, не знали, что это начала действовать наша знаменитая «катюша», тогда совсем новое орудие. Постепенно привыкли к обстрелам. Вскоре стало ясно, что есть нечего, и становилось все холоднее. Организм уже не принимал мороженую картошку.

Решили идти к ближайшему районному центру, где была городская власть, где-то более 25 км. К нам присоединилась семья из трех человек. По Волоколамскому шоссе решили не ходить, боялись обстрела, долго шли вдоль шоссе лесом, стемнело. К вечеру вышли почти туда, откуда пришли — на хутор Тюльки, что в трех километрах от нашей дачи. Мы заблудились. Стемнело. Папа постучался в окно дома, где жила много лет знавшая нас семья. Мы у них покупали молоко, иногда кур, приходили гулять еще с мамой. Форточка открылась, и мы услышали голос: «мест нет, яблоку негде упасть... Анатолий Николаевич, это Вы? Сейчас». Через минуту хозяйка провела нас в дом, перешагивая через сидящих в тесноте в большой комнате людей, в свою комнату и мы как-то смогли переночевать. Ночью выпал снег, стало совсем холодно. В соседнем доме сварили картошку, все смогли погреться и поесть. А кто-то ночевал на улице. Мы вернулись обратно.

Большая радость нас ждала, когда мы увидели, что подтягиваются наши войска. Все говорили, что пришли сибиряки. В наш домик заглянули солдат и врач — мы рассказали о себе. Врач, красивый мужественный человек, сказал папе «Как же Вас могли так оставить? Я помню своих профессоров преподавателей. Смогу помочь Вам, отправив до ближайшего районного центра, когда будем отправлять больных и раненых». Так это и осуществилось. Вскоре на грузовике мы приехали в Кушалино. В эвакупункте было много народа, запах хлорки — картина не блестящая. Районные власти устроили нас в маленьком домике — общежитии для школьников из далеких деревень. Сейчас в нем никого не было. Это было счастье для нас. На кровати принесли снопы из клевера, жестко, но ничего. Папа смог в сберкассе получить так называемую «академическую пенсию» — 300 руб. Это было очень кстати, так как директор института уехал раньше, даже не выдав зарплату сотрудникам. Теперь мы могли искать попутный транспорт, который довез бы нас в город Кашин, где базировалась городская и областная власти. Вскоре нашли попутный грузовик — нас оказалось восемь человек.

Дорога была неблизкая, пришлось останавливаться на ночь в какой-то деревне. Нам, незваным гостям, предложили спать на широкой скамейке или на чистом белом полу. Кажется, совсем недавно — и очень давно — я говорила, что могу спать только под пуховым одеялом. Я, как и мама, очень быстро мерзла. Утром поехали дальше. Осенние заморозки давали о себе знать, без теплых вещей нам было очень трудно. Когда мы подъезжали к городу, мне казалось, что ходить я уже не в состоянии. Под конец нашего путешествия машина остано-

вилась в открытом широком поле, она сломалась. Шофер сказал нам, чтобы мы шли обратно в деревню, которую только что проехали, сам бросил ватник на покрывшуюся льдом лужу, лег под машину и весело запел строчки из песни: «жизнь прекрасна наша, солнечные дни». Эти «солнечные дни» немного вдохновили нас, и мы побрели в деревню. Там мы оказались у дома учителя. Он и его жена вышли к нам и, узнав откуда мы, пригласили в дом. Папа с хозяином дома вели беседу, закурили, остальные грелись. Жена учителя спросила брата о маме, узнав, что мамы нет, обласкала его, собралась согреть чай, но как раз в это время раздалась команда — «В машину! Починил!»

Мы приехали в Кашин — очень уютный городок районного значения. Наверное, раньше здесь жили крепкие купеческие династии. Мы отправились в эвакупункт, расположенный в школе. Народа было немного, так как добраться до Кашина было непросто. Вдруг к папе подходит женщина и говорит ему: «Анатолий Николаевич, как Вы здесь?» Это была учительница — бывшая студентка папы. Она пригласила нас (восемь человек) к себе. Она жила в маленьком деревянном доме, предоставила нам комнату, где мы расположились как смогли. Утром папа пошел в городской комитет власти. Стали подыскивать жилье, и предоставили комнату с отдельным входом в здании школы, где располагался госпиталь. В комнате были кровати с матрасами и стол. Когда мы, впервые за несколько недель, расположились спать на матрасах, покрытые собственными пальто, я, как видно эмоционально, произнесла «Блаженство!». Взрыв смеха был мне в ответ, оценив всю комичность нашего «блаженства». В этом же здании получила комнату и семья математика Брадиса. Все эвакуированные в течение трех дней могли по талонам бесплатно пообедать. Так началась наша новая, хотя и временная «домашняя» жизнь. Папа стал преподавать историю в школе, за это он получал дополнительную буханку хлеба. Мы долго не могли спокойно смотреть на хлеб, сразу съедали свой, выдаваемый по талонам, да и дополнительная буханка тоже исчезала быстро. В Кашине папа встретился со всеми калининскими знакомыми из руководства города и области, встретил других знакомых ему людей. В редакцию газеты «Калининская правда» папа пошел со старшей дочерью Евгенией (она училась на последнем курсе пединститута), где встретили редактора газеты Бориса Полевого, с которым папа был знаком. Он является автором книги «Повесть о настоящем человеке». Они побеседовали, папа узнал о последних событиях в стране. После долгого пребывания в деревне, в информационном вакууме, важно было узнать положение вещей. Мою сестру взяли работать корректором в редакцию. Так вроде и наладилась наша жизнь. Но, увы, опять проблема — лопнули батареи, госпиталь перевезли в другое помещение, а наша семья и семья Брадис остались мерзнуть. Зима была очень суровая, история не раз показывала — когда война приходит на нашу землю, так приходят морозы по 40 градусов и больше. Нам стали подыскивать другое помещение. Однако у меня и у Юры от постоянного холода начался ревматизм.

Ходили обедать мы далеко — папе дали пропуск в столовую обкома на 2-х человек, мы ходили по очереди. Ревматизм давал о себе знать, эти походы стали непростыми. Семья наших друзей Ильиных уехала в другой город на работу, нас осталось пять человек. Наконец, нас поселили в помещение дошкольного педучилища, эвакуированного из Бологого. Помещение — бывший монастырь. Внизу уютная столовая, классы, а на втором этаже несколько комнат с беженцами. Нам дали большую комнату, где стоял письменный стол и кровати. Там мы познакомились с доктором И. С. Случевским и его милой женой. Удивительно отзывчивые, настоящие интеллигентные люди. Наша дружба продолжалась и позднее. А когда не стало папы, я приходила к нему за советом если возникали проблемы. Я и сейчас помню его доброе лицо, большие седые усы. Какое-то душевное тепло и успокоение излучали его глаза.

Я, окончившая десять классов, могла поступить на третий курс педучилища. Преподаватели были очень интересные, немолодые, эрудированные интеллигенты, волею судеб оказавшиеся здесь. Бывшее монастырское здание — мощная постройка, в которой сохранилась и монастырская традиция — полчища крыс. Они были везде, несмотря на присутствие человека. Днем спокойно сидели на столе, а ночью бегали, попадались под ноги в коридоре. Сначала мы очень боялись когда крыса вспрыгивала на кровать, где мы с сестрой спали, потом освоились, и гоняли их как могли. Все наши немногочисленные вещи подвешивали на стену так как крысы прогрызали все, что им попадалось. Человек ко всему привыкает, как известно, «привычка свыше нам дана...». Мы это поняли.

Вот приходит декабрь! Мы знаем об успехах нашей армии, все в ожидании освобождения Калинина. Наконец, 16 декабря — день освобождения города от фашистов. Узнаем отдельные сведения о том, какой огромной ценой осуществилось освобождение. Городская и областная власти организуют группу специалистов, которые первыми едут в Калинин после его освобождения. Папа приглашен, и они с сестрой Женей едут в город, а мы остаемся в Кашине: папина жена работает, Юра учится.

Какое впечатление произвел на папу и Женю вид разграбленного города можно только вообразить. В начале января во время каникул я решила съездить домой. О легкомыслие! Узнаю, что крытые грузовики отправляются в Калинин, но плата 30 рублей. Холодно, но в неизвестности о папе и Жене я не могу жить. Делаю попытку продать свое (одно из двух) летнее платье на базаре, но наивная, я даже не могла себе представить обстановку — какая-то цыганка сразу схватила у меня платье, сунув в руки пять рублей, и мгновенно исчезла. Вещи продавались дорого, ведь люди бросали дома и уходили без необходимых вещей. Первый, но не последний урок в жизни. Когда у нас была полная семья, мы жили в окружении хороших людей, а теперь сразу в столь сложное время столкнулись с проблемами, потеряв не только прежний стиль жизни, но и оказавшись в пустой квартире. Я поехала повидаться с папой и Женей, посмотреть, что ждет нас в Калинин. Вот сижу я в грузовике, где много таких как я, желающих ехать хоть на пепелище, но домой. В дороге согревались, прижавшись друг к другу.

В Калинин папа и Женя жили в чужой маленькой квартире, в сохранившемся двухэтажном доме во дворе института. В институте были организованы занятия для студентов последнего курса, чтобы у них не пропал год. У нас две маленькие комнаты с печкой. С нами живет еще бабушка Павла — папина мама, дедушка умер во время оккупации. Говорили, что несмотря на оккупированный город, на похороны дедушки пришло много народа. Папа очень переживал, что это произошло без него. Мне показали нашу старую квартиру, вернее то, что от нее осталось. Это было печальное зрелище — полный разгром. Стекол нет, дикий холод, все промерзло. Одиноко стоял рояль, его вытащить не смогли. Мы узнали, что в нашей квартире жили немецкие офицеры, впоследствии много людей перебивало здесь. На папином письменном столе, на зеленом сукне, лежали остатки еды, валялась масса пачек из под сигарет разных стран. Мебель поломана, книги валялись на полу, на некоторых из них отпечатались следы сапог. Ничего не осталось из милого сердцу! Где наши альбомы с фотографиями, кому они понадобились? Мы каждый год фотографировались всей семьей, каждый год вносил что-то новое. Где фото наших родственников и друзей? Фотографии — как наша история.

Когда стало возможным, папа и Женя собирали книги, бумаги складывали по листочкам, разбросанным по квартире. Это и физически, и морально было тяжело. Часть книг были вывезены для сохранности в Дом Учителя на Почтовой площади при оккупации города фашистами. Занимались этим несколько человек из интеллигенции, которые знали у кого есть

хорошие библиотеки. После возвращения хозяев библиотек домой отдавали книги, на которых была печать или подпись владельца библиотеки. Остальные книги пошли в фонд городской библиотеки, которая, к сожалению, стореда. Надо было сказать спасибо этим людям, а власти обвинили их в работе при фашистах. Много было нелепостей.

Что пережил папа, уже не раз терявший кров, увидев свою квартиру в таком виде! Еще печальнее было то, что многие материалы по научной работе исчезли.

После окончания учебного года мы все из Кашина окончательно вернулись в Калинин. Все вещи в квартире были разобраны.

Уже в январе 1942 года была организована комиссия по расследованию зверств фашистской армии, в состав которой входили представители власти и известные люди разных профессий. В эту комиссию был включен и папа. Места, где побывала эта комиссия, были в значительной степени знакомы ему.

То, что они увидели, было страшно. Целые районы сел и деревень были сожжены. Когда члены комиссии появлялись в этих местах, из землянок выходили жители и рассказывали что они пережили! Папа приехал из этой поездки постаревший от виденного горя. Он сразу прошел в обком КПСС с предложениями об оказании незамедлительной помощи тем, кто был лишен крова. Папа считал, что пока наиболее доступный метод — создавать небольшие группы плотников, других рабочих, способных строить дома к зиме и ветряные мельницы, люди нуждались в этом. Сидя в своем, теперь уже обломанном кресле, за тем же столом, где вместо зеленого сукна был положен дерматин, папа изучал старые карты тех районов, где в более далекие времена стояли ветряные мельницы. Он продумывал возможность использования природных условий для наиболее быстрого налаживания жизни людей. Его планы и предложения местные власти приняли.

Как только представилась возможность ежедневно следить за ходом военных действий, за контрнаступлением наших войск от Москвы, папа внимательно изучал ход военных событий, собирал материалы. Вскоре, что называется «по горячим следам», была издана маленькая, на газетной бумаге, книжечка «Boи за Калинин», когда город еще только очищали и разбирали разрушенные здания. Папа верно оценил стратегию наших войск, о чем ему писали с фронта его бывшие студенты.

Весной 1942 года, когда я уже приехала домой, мы получали из столовой института обеда: преподавательский — щи из белых листов капусты и воды, и так называемая каша — зерна чуть подгоревшей пшеницы; студенческий — щи из темных листов капусты и та же каша. Элеватор был сожжен, часть зерна сохранилась, но молотье его было негде. Иногда получали американские консервы, хорошие. Пустые банки из под консервов мы потом тоже использовали. Сделав из проволоки ручки, мы приносили в них обеда из столовой. Небольшие баночки, в которых находились консервы, что-то вроде нашего «завтрака туриста», назывались у нас «слезы Рузвельта», большие тоже как-то назывались — не помню как.

Началось восстановление города. Папа и его жена работали в пединституте. Сестра, окончив институт, работала в редакции газеты «Калининская правда», затем в школе рабочей молодежи, брат учился в школе. Летом папа с братом пошли посмотреть дачу. Там жили офицеры, очень приятные люди, которые предложили папе с Юрой некоторое время летом там отдохнуть. Я же, получив диплом воспитателя детей дошкольного возраста, пошла в отдел народного образования и получила направление на работу в детский сад текстильной фабрики. Заведующая детским садом посмотрела на меня критически и сказала: «Вы воспитатель? Вы сама еще ребенок». Я была тоненькой, какой-то хохолок вместо прически и, конечно, казалась

девочкой. Мне так хотелось, чтобы меня воспринимали барышней, мне было 19 лет! Я не растерялась и предъявила направление. Была принята. В еще разоренном городе открывались детские сады, работники были нужны. Нашему детскому саду предоставили три большие комнаты — совершенно пустые. Стали постепенно обустраиваться. Собирались дети. Они, пережившие войну, были очень разные. Кто в каких условиях пережил эти несколько месяцев бомбежек, оккупации, скитаний. Постепенно собирали и необходимую мебель. Появились столики, где детей можно было кормить и заниматься с ними. Воспитатели из какой-то ткани, напоминающей плотную марлю, сшили занавески, украшали их, вышивали. Спать детям было негде. Младших детей где-то укладывали, нашли что-то. У меня была старшая группа. Со мной были еще три воспитателя — одна из педучилища, как и я, а две немолодые женщины. Одна из них занималась маленькими детьми. На них военные события отразились больше всех: некоторые дети просто сидели на коврике и испуганно смотрели, что происходит вокруг. У этой женщины через несколько месяцев погиб единственный сын — красивый, умный. Незадолго до этого он на несколько дней приезжал к ней.

Работа с детьми приносила удовлетворение, я чувствовала, что дома им не хватает внимания, тепла и старались дать тепло своей души. Родители много работали, в основном только мамы и бабушки, но мне хотелось учиться. Я давно решила, что буду историком и через год, в 1943 году, поступила на исторический факультет Пединститута.

Эти годы были для нашей семьи трудные. С продовольствием по-прежнему было плохо. Не только студенческий, но и профессорский обеды в столовой были очень скудными. Давали пайки, но не хватало элементарного. На рынке картошка была для нас очень дорогой. В годы войны в Пединституте давали ордера на покупку промтоваров. Мы покупали, а потом моя старшая сестра с подругой шли в ближайшие деревни и меняли их на картошку.

Особенно плохо стало в конце 1943 года, когда мы стали замечать, что папа, всегда бодрый, всегда в работе, изменился, у него появился кашель. Мы поняли, что папа нездоров. Мы могли менять четвертинку хлеба на рынке на четвертинку молока, это все, что мы могли тогда сделать. Сделали рентген, врачи сказали: «затемнение в легких». Мне представляется, что пережитое тогда на берегу Тверцы и в комиссии по расследованию жертв фашизма, когда страдания людей он пронес через свое сердце, явились причиной этого страшного заболевания.

Диагноз врачам был ясен. Папа продолжал работать, но весной 1944 года его отправили на обследование в Москву. Потом стало понятно, что это было сделано для того, чтобы снять с себя моральную ответственность — лечения не было. Мы с папой поехали в Москву. Он пролежал в Первоградской больнице достаточно долго, обследовался, но лечения не было. В больнице папу навещали Грековы — Борис Дмитриевич и Тамара Михайловна. Я с большой благодарностью вспоминаю эту семью, истинно интеллигентную и благородную. Борис Дмитриевич предложил папе определить моего брата, которому было 14 лет, в артиллерийскую школу в Москве. Папа с большой болью в душе согласился, он не видел для сына военную карьеру, но было неизвестно, что нас ожидает. Домой папа вернулся сильно ослабленным, наверно, надо было провести это последнее время не в больнице бесполезно, а снова в его любимом родном уголке — в Долматово.

В эти напряженные дни болезни папы в школе у Юры предложили мальчикам 7 класса поехать в военное училище куда-то на Восток. Мы не представляли, как быть и что делать. Как-то казалось нереальным, что Юру определят в московскую школу. Мы, собрав Юре костюм и буханку хлеба, отварив картошку на несколько дней, решили отправить его в это училище. Все были в волнении и переживаниях. Прошло некоторое время, и вдруг появился Юра, оборванный, и рассказал, что они ехали практически без еды (только у некоторых

была картошка, сало и другие продукты). Там, куда они приехали, еще ничего не было. Надо было все организовывать с нуля, но он мыслями был у постели папы, мучался в неведении и решил ехать обратно домой. Рассказ его нас потряс. Он сел в воинский поезд, говорил, что едет на фронт к отцу. В каком-то городе на рынке поменял свой костюм на еду у какого-то «гавроша». Его забирали в милицию, он убегал и снова ехал с военными. Его речь свидетельствовала, что он не уличный мальчик. Подъезжая к Москве, он поговорил с каким-то капитаном, рассказал ему, что должен выйти в Москве (для этого надо было иметь пропуск). Юра собирался пойти к Грековым, хотя их адреса на память не знал, но капитан, видимо, поверил Юре и помог узнать адрес. Юра грязный и оборванный предстал перед Тамарой Михайловной Грековой. Он рассказал о себе и узнал, что записан в московское военное училище. Его вымыли, постирали одежонку и отправили домой. Мы бесконечно благодарны семье Грековых. Всегда вспоминаю их и благодарю! Я никогда не забываю людей, делающих добро, помогающих в трудную минуту, и хотела бы, чтобы мои дети и внуки это тоже всегда помнили. Мы с Женей понимали, сколько пережил мальчишка, привыкший жить в домашних условиях, узнал суровые годы войны, страх потерять семью и дом.

3 августа папы не стало...

Казалось, это наша жизнь кончилась. Как мы будем, совсем одни, без папы? Вечером мы, подавленные, сидели в одной комнате, а в другой, у гроба папы, неожиданно для нас раздался голос школьного друга нашего брата Юры (сына секретаря обкома) — он торжественно давал клятву, что тоже будет историком. Мы оцепенели от слов и стиля. Заходили разные люди. Пришел к нам прекрасный врач — хирург Успенский, которого знали все (он послужил прототипом образа врача в повести Б. Полевого «Повесть о настоящем человеке»). Крупный мужчина, на протезах, поднялся к нам на второй этаж, постоял несколько минут — простился с папой. Они взаимно почитали друг друга. Я спросила его, что же за такая страшная болезнь, которая так вдруг уносит человека? Он ответил, что думает: тому, кто спасет человека от этой болезни, поставят памятник величайший.

5 августа прощание проходило во дворе института. Я помню этот день, как будто вижу вновь. Народа было много. Профессор Н. Д. Никольский говорил первый — о раннем уходе, о незаменимости. О детях он сказал: «Он оставил больше, чем миллионное наследство — свое доброе имя». Его голос, стиль — у меня мурашки пошли по телу. Впоследствии мы часто ощущали доброе отношение к нам, даже при встрече на улице, папу знали многие.

Пешком процессия двинулась к Волынскому кладбищу. В этот раз я почувствовала, что музыка идущего оркестра помогает человеку излить горе, музыка как бы сливается со слезами, горем человека. Нашей семьи не стало...

Как-то вечером нам позвонила немолодая женщина, скромно одетая, и говорит: «Ваш папа мне очень помог, теперь я хочу помочь Вам». Мы были в недоумении. Она предложила что-нибудь поменять на базаре, но нам казалось, что у нас ничего подходящего нет. Женщина посмотрела вокруг и говорит: «Вот я вижу у вас двое ножниц, одни я поменяю». На другой день она принесла нам буханку хлеба. К сожалению, мы растерялись и так и не спросили, в чем ей помог папа, наверное, как депутат.

Эпилог

И вот мы остались одни. Было ощущение, что все кончилось, нет нашей семьи, мы теперь совсем одни и будущее не ясно. В нашу квартиру вселили семью преподавателя института, нам с Женей осталась одна комната. Юра учился в Артиллерийском училище в Москве. Женя работала в редакции газеты, я сдавала экзамены за первый курс. Материально было

трудно, но мы обходились минимальным. Острее и больнее в это время было ощущение незащищенности, «оголенности»: мы были вместе — семья, а теперь одни. Очень остро чувствовали значение слова «сиротство». Это чувство, ощущение душевного состояния словами объяснить невозможно. У меня на душе было очень больно, хотя с нами всегда были друзья детства, юности, дорогие нам люди, но они не были одни. Мой брат говорил: «Мы будем вместе, если три прутика сложить вместе, их не сломать», это понимание — отголосок давно прочитанных строк у Л. Н. Толстого, когда-то у нас была эта книжка для детей.

Как-то в зимний день приходит к нам мой школьный товарищ Олег, который на несколько дней приехал с фронта. Он сказал: «Я узнал, что ты осталась без родителей, приходи к нам, побудь у нас в семейной обстановке». Он, видимо, понимал, что значит быть без семьи. Я пошла, хотя не была уверена, что буду хорошо ощущать себя в незнакомой семье. Я хочу подчеркнуть самое ценное: приехав с фронта всего на несколько дней, он был способен думать о других, просто о товарищах, никакой влюбленности у нас не было. Людей способных «увидеть», подумать, что их помощь или просто внимание нужны другому человеку, я очень ценю. Это люди большой души.

Мы постепенно приспосабливались к условиям времени. В какой-то зимний день пришел к нам мужчина и сказал, что хотел бы купить нашу дачу за 20 тыс. рублей, может дать немного ржаной муки и картошки. В это время туфли стоили 2000 рублей, маленькое ведро картошки — 100 рублей. Хотя это были совсем небольшие деньги, мы согласились, и они очень выручили нас. «Судьба Онегина хранила» — я повторила бы слова А. С. Пушкина. У нас сложился хороший круг друзей, с которыми мы сохранили связь на долгие годы. Судьба берегла нас от плохих людей, наоборот, к нам по-доброму относились окружающие. Это явилось основой того, что мы прожили первые годы без родителей, слишком доверчивые, мало знавшие жизнь и открытые людям, благополучно.

В 1946 году нам пришел «дар с небес»: родители еще до войны имели облигации государственного займа, покупка которых была добровольно-обязательна, и их приобретение существенно отражалось на бюджете семьи. Неожиданно из сбербанка мы получаем извещение, что выиграли по этому займу 50 тыс. рублей. Это было просто чудо. Мы разделили эти деньги по 15 тысяч, которые мне очень помогли во время учебы в аспирантуре. Оказывается, чудеса бывают...

Послесловие

Прошло несколько лет, волею судьбы я оказалась в Петербурге-Ленинграде, который вынуждены были покинуть мои родители много лет тому назад. Здесь я прожила в любви и согласии с достойным и порядочным человеком 53 года.

Санкт-Петербург оказался для меня нечужим городом, здесь прожили всю жизнь мои тети — сестры мамы Мария и Ирина. Они пережили блокаду Ленинграда, жили скромно, но, несмотря на все жизненные трудности, сохраняли бодрость духа и доброту к людям. Позднее приехала двоюродная сестра мамы — тетя Лида. Ее мужа посмертно реабилитировали и ей дали комнату в Петербурге. Моя семья была рада общению с ними. У меня появились новые друзья, но сохранившиеся старые, с далеких детских, школьных лет, дарили неизменное чувство вечности добра, взаимопонимания.

Сейчас ушли в «иной мир» так много мне близких людей! Мне так не хватает их... Ведь близкие люди, друзья, прожившие рядом (и даже на расстоянии) много лет, становятся бесконечно родными и незаменимыми.

Уже давно нет моей сестры. У нас разница в возрасте 2,5 года всего. Хотя характеры у нас были разные, душевно мы были бесконечно близки. С детства мы жили в тесном контакте, не спорили из-за мелочей. Перед войной мама сказала, что может сшить только одно шелковое платье, старшей, наверно. Женя говорит мне: «Нет, Аля, тебе надо, а я говорю: Женя, тебе будем шить». Очень скромное платье — серебристо-белое в черную клетку с красным воротником так и осталось висеть совсем новое в нашей квартире, когда мы уходили из города. Одел его кто-то другой.

Женя обладала необыкновенной душевностью и теплотой, ее глаза излучали доброту. Мы с ней прожили в постоянном общении, любви и помощи друг другу. Это была главная ценность для нас. Один наш друг студенческих лет Вася Малиновский, когда-то приходивший к нам, чтобы послушать игру Жени на рояле, особенно «Времена года» Чайковского, полонез Огинского, написал в своей книге «Дорогами памяти», что через несколько минут общения с Женей становилось вдруг необыкновенно душевно приятно. Муж называл Женю ангелом.

Нет уже и моего брата. Когда-то маленький Юра в синем костюмчике с белым бантом, если его просили, вставал на стул и приятным голосом пел:

«До свидания сад, сад,
Все березки спят, спят,
И мы тоже спать пойдем,
Только песенку споем».

После смерти мамы он, еще слишком маленький, уже сразу во многом был предоставлен жизни в сложный период. Сложившаяся в силу обстоятельств военная служба не удовлетворяла Юру, и в период сокращения армии он демобилизовался, уже имея семью, испытал много трудностей.

У нас у всех дочери, у меня — две.

Вспоминая о прошлом своих родных, задумываешься о судьбе поколений начала XX века. Представляешь трагические страницы истории России. Особенно грустно, когда понимаешь какова жизнь тех поколений, на долю которых выпали не только мировые войны, но и страшная братоубийственная гражданская война после октября 1917 года, и сталинские репрессии против своего народа — за них особенно больно и горько становится на душе. Сколько бессмысленно погибло людей, сколько искалеченных судеб! Какая трудная история России! Как все это пережил народ? Как часто мы не задумываемся о глубине тех или иных исторических событий!

Я вспоминаю нашу семью с большой признательностью к моим родителям за царившие в ней, несмотря на трудности жизни, любовь, теплую заботу друг о друге, душевное единение. Их взаимоотношения и поступки показали нам значимость настоящей любви и дружбы, понимание своей ответственности перед людьми.

Моя жизнь подходит к концу. Мне всегда больно было вспоминать о том как папе было тяжело понимать, что он уходит из жизни, оставляя своих детей одних в условиях войны, в разоренной квартире, еще не «вставших на ноги» (особенно сына). Я могу сказать, Слава Богу, что мы с мужем, прожив достаточно долго, смогли увидеть своих детей взрослыми и увидеть внуков, я — даже правнука.

Но может ли человек в настоящее время быть спокоен за будущие поколения? Тревожно, что в мире много агрессивных сил и слишком велик культ денег и власти. Какие ценности, жиз-

ненные ориентиры превалируют теперь? Мне так хочется, чтобы этот мир был хорошим для грядущих поколений!

Тем более, я очень ценю и дорожу тем маленьким миром нашей семьи, тем, что и в трудности, и в радости мы вместе, все поколения, испытываем потребность во встречах, заботе друг о друге. Мне очень хочется надеяться, что и в будущем в нашей семье сохранится потребность душевного общения как главной ценности для человека, забота и любовь друг к другу. И расстояния не препятствие этому!